

***РАЗМЫШЛЯЯ О 1917-м: КРУГЛЫЙ СТОЛ
К 100-ЛЕТИЮ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ***

В рамках круглого стола обсуждались роль и значение российских революций 1917 года для отечественной и мировой истории, их причины, рубежные этапы и современные оценки, методология исследования этой проблематики. Выявлены причины изменения подходов и взглядов на изучение революционного процесса в России и оценены исторические уроки и значение российских революций для современности, России и мира в целом.

Ключевые слова: революция, революционный процесс, Великая российская революция 1917 года, Февральская революция 1917 года, Октябрьская революция 1917 года.

Столетие революционных событий 1917 года в России вызывает живой интерес в нашей стране и за рубежом и разнообразие суждений. Стремясь к объективному осмыслению событий вековой давности, оказавших глубокое воздействие на судьбы России и мира, Научный совет Российской академии наук по истории социальных реформ, движений и революций и его северо-западная секция совместно с Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова организовал круглый стол, в котором приняли участие известные историки из России, Великобритании и Норвегии. Ими опубликовано в общей сложности более 30 книг и около 900 статей по проблемам этой сложнейшей эпохи российской и мировой истории.

Размещение материалов круглого стола на страницах научного журнала САФУ является закономерным, ибо в университете существует давняя традиция проведения крупных научных форумов по данной тематике с участием ведущих ученых России и мира¹ и публикации подобных материалов в журнале².

Участникам круглого стола было предложено ответить на следующие вопросы: 1) С какого времени Вы занимаетесь изучением революционной эпохи 1917 года в России, когда появилась первая публикация и (или) произошло участие в научном форуме по этой тематике? 2) Считаете ли Вы революционный процесс и серию революционных взрывов 1917 года в России закономерными и неотвратимыми? 3) Изменились

Для цитирования: Размышляя о 1917-м: круглый стол к 100-летию российских революций // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 146–161. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.146

¹В 2007–2012 годах в Архангельске и Мурманске было проведено 6 крупных международных научных конференций, посвященных эпохе 1917–1922 годов. В них приняли участие представители 12 стран. Материалы этих конференций были опубликованы в виде 6 научных сборников.

²См., например: Российский опыт обеспечения безопасности и защиты национального суверенитета: уроки Гражданской войны в России и на Европейском Севере // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2014. № 3. С. 158–168.

ли за годы изучения истории революционной эпохи в России Ваши взгляды на нее? Если да, то почему? 4) Какой из теоретико-методологических подходов к изучению этой темы Вы считаете наиболее адекватным для ее раскрытия? 5) Какова Ваша оценка исторических рубежей Февраля и Октября 1917 года в России? 6) Чем для Вас сегодня, спустя 100 лет, значи-

мы события 1917 года в России? Каковы исторические уроки, вытекающие из них? Каково значение российских революций для страны и мира?

Каждый из участников круглого стола ответил на заданные вопросы, и их ответы под соответствующими номерами публикуются в виде отдельных материалов каждого из авторов.

ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, член бюро Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций (г. Архангельск, Россия)

1917 ГОД В РОССИИ: ОТ ПРОШЛОГО К СОВРЕМЕННОСТИ

1. С середины 1980-х годов. В мае 1987 года принял участие во Всесоюзной научной конференции в Тбилиси. С 1989 года вхожу в состав научных советов АН СССР/РАН, занимающихся этой тематикой.

2. В истории, и особенно на судьбоносных ее этапах, могут быть альтернативы, но задача историка – исследовать реально происходившие процессы. Революционные процессы начала XX века в России имели глубокие исторические корни, которые следует анализировать как в контексте большого исторического времени, или так называемой длинной истории, сквозь призму веков и десятилетий глубокого социального неравенства, пренебрежения властей предрержащих к простым людям (ответом последних являлись крестьянские войны, бунты, восстания), так и «короткой истории» начала XX века – лет, месяцев и дней, непосредственно предшествовавших 1917 году. Первая мировая война стала гигантским катализатором революции. Российский либерализм в лице Временного правительства меняющихся составов получил свой

исторический шанс, но не смог воспользоваться им для решения в короткие сроки сложных проблем, стоявших перед Россией, что предопределило утрату народного доверия и потерю власти.

3. Подвижки в осмыслении, несомненно, происходили, что было обусловлено рядом факторов. Изучение антибольшевистского движения позволило неизмеримо глубже понять весь спектр взглядов оппонентов и противников большевиков, их программы, стратегии и тактики действий, что помогало воссоздать масштабную и противоречивую картину событий и процессов 1917 года в России. Этому способствовало и изучение региональных и локальных процессов, поведения и действий людей, удаленных от политических центров, в частности северного социума. Люди, проживавшие в «глубинке», часто по-особому воспринимали идеи и лозунги, приходившие из центра, и трансформировали их в своих действиях.

Важным фактором переоценки ценностей на протяжении нескольких десятилетий являлась

профессиональная работа с зарубежной историографией, знакомство с разнообразием ее интерпретаций и взглядов на события и проблемы революционной эпохи в России. Суждения иностранных коллег обычно диссонировали с подходами и оценками отечественной литературы, стимулировали размышления, подвигали к поиску объективной истины в восприятии уникального феномена революций, или Великой российской революции 1917 года, и ее воздействия на мир.

4. Продуктивными представляются идеи методологического и междисциплинарного синтеза. Это предполагает интеграцию в научный поиск различных методологий и методологических подходов (хотя и грозит эклектикой), использование форм и методов разных наук в понимании процессов 1917 года – истории, политологии, социологии, культурологии, психологии и др.

Мне близок взгляд на российский революционный процесс 1917 года как на комплекс революций на общенациональном и региональном уровне, а из этого логически вытекает и подход к истокам и сущности Гражданской войны в стране сквозь призму серии войн различных типов, форм и видов.

5. Февральская революция стала воплощением глубокого кризиса и широкого недовольства властью как в «верхах», так и в «низах», выражением массовых протестных настроений. Она породила эпоху революционного подъема, романтики, веры в революционное обновление России. Эта ожидаемая и в то же время неожиданная революция была революцией надежд. Это был прорыв к столь долгожданной свободе, а, точнее говоря, к воле, как воспринимало это большинство населения.

Именуемая демократической или буржуазно-демократической Февральская революция вызвала к жизни разнообразие идей и проектов обновления страны. Временное правительство вынашивало вариант либеральной модернизации страны, но теория и практика либерализма обернулись в чрезвычайных условиях военного времени крахом. Весной и особенно летом

1917 года колоссальную популярность и привлекательность приобрели социалистические идеи. Революционное нетерпение и массовые радикальные настроения привели к тому, что либерально-демократический вариант обновления был отвергнут во имя социалистической альтернативы.

Октябрьский революционный рубеж стал результатом быстрого ухудшения ситуации в стране, массового протеста против беспомощности правительства и проводимой им политики. После провала выступления правых под руководством генерала Корнилова политический маятник резко качнулся влево. Лозунги и идеи пролетарской, солдатской, крестьянской, национальной, региональной и других революций и революционных потоков слились воедино, что обусловило как приход большевиков к власти, так и сложность их положения в качестве правящей силы. Прийти к власти оказалось легче, чем удержать ее, а популярные лозунги было не просто реализовать на деле.

Ухудшение положения в стране, набиравшие силу радикализм масс и тенденции распада государственного и социально-экономического пространства требовали чрезвычайных усилий и характера управления со стороны новой власти. Великая по масштабности идей и надежд революция способствовала ломке существовавших норм и традиций жизни, а глубина перемен и потрясений привела страну к Гражданской войне, сопровождавшейся масштабной международной военной интервенцией. Победа большевиков в этой войне открыла дорогу для социалистического эксперимента – сначала в национальном, а затем и в международном масштабе.

6. Из событий и процессов революционной эпохи 100-летней давности вытекает ряд важных исторических уроков. Во-первых, революции олицетворяют мечту человечества о справедливом обществе, свободе, уважении к личности, жизни с уверенностью в завтрашнем дне. И хотя эту мечту нелегко реализовать на практике, к созданию именно такого общества необходимо стремиться.

Во-вторых, это необходимость для власти своевременно реагировать на назревающие проблемы, искать и находить пути их решения посредством реформ, продуманной и эффективной модернизации страны. Если же реформы не дают желаемых результатов и положение широких слоев населения ухудшается, то для правящего режима это грозит утратой власти, а назревшие проблемы могут решаться радикальным путем, посредством революции.

1917 год открыл дорогу к социалистическому эксперименту в России и мире, уникальному способу модернизации страны и пути решения назревших проблем человечества. Это позволило в короткие исторические сроки кардинально преобразовать старую Россию, ставшую Советским Союзом, дать отпор фашистской агрессии, превратить СССР в одну из двух сверхдержав, создать мировую систему социализма под советским руководством. Социалистический вызов заставил капиталистическую систему мобилизовать все свои силы и ресурсы, пойти по пути социализации, создавая государства и общества всеобщего благоденствия. Крах социализма в СССР и Европе, исчезновение социалистического конку-

рента западной системе привели к ее десоциализации и сложным современным проблемам. Сегодня США и западный мир столкнулись с вызовом со стороны КНР, декларирующей социализм как цель развития и пытающейся соединить на практике лучшие черты двух систем.

Либеральный эксперимент в России конца XX века привел, как и в 1917 году, к результатам, обратным ожидаемым. Постановка в современной России во главу угла консервативных ценностей вызывает много вопросов, тем более что совпадает с кризисом и неудачей декларируемой модернизации. Глубокие социальные контрасты в России (децильный коэффициент составляет порядка 16) ведут к растущей напряженности во взаимоотношениях между богатыми и бедными, обществом и властью, вызывают тягу к справедливости и ностальгию по советскому времени. Из опыта истории современным российским властям следует извлекать уроки, своевременно и эффективно решать назревшие проблемы. В целом же феномен Великой российской революции 1917 года продолжает и сегодня оказывать влияние на развитие человечества.

Контактная информация:

Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

ДЬЮКС Пол, почетный профессор Абердинского университета (г. Абердин, Великобритания)

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917: A VIEW FROM THE UNITED KINGDOM

1. I began to offer a Special Course on the Russian Revolutions at the University of Aberdeen in 1965, and was a founder member of the Study Group on Revolutionary Russia in 1975. My first

substantial publication was *October and the World: Perspectives on the Russian Revolution* in 1979.

2. I do not believe in alternatives and counterfactuals, nor in “optimistic” and “pessimistic”

interpretations. Therefore, I consider the revolutionary outbursts of 1917 to be determined. This is not to say that these events could have been predicted at the beginning of the revolutionary year: to trace the significance of events from February to October is not easy, especially when they are placed in the context of immediate internal and international turbulence while also located in the long term of Russian history. Moreover, in order to understand more fully the revolutionary outbursts, we need to cut through the distortions of later historiography, both Soviet and anti-Soviet, which often made interpretation of the Revolutions of 1917 one of the battlegrounds of the Cold War. To take the example of the outstanding individual in the period between February and October, it remains difficult, after all the adulation and denigration, to make an objective appraisal of the contribution of V.I. Lenin.

3. Of the movement led by Lenin, a leading Cold Warrior, Hugh Seton-Watson, declared that “The Bolshevik Revolution was unquestionably one of the greatest events in all human history.” Another anti-Soviet historian Richard Pipes suggested that “a convincing case can be made that the Russian Revolution was the single most consequential event of the twentieth century, whose repercussions have been left in every corner of the world.” But what about the twenty-first century? Partly because of the end of the Cold War, partly because of the new struggle against terrorism, and most of all because of the global ecological crisis that threatens us all, the Russian Revolutions have assumed a less prominent place in history than previously.

4. Marxism retains its relevance as an approach to 1917 (although not so much to “post-industrial” years). In the West, especially, Postmodernism has enjoyed some prominence in recent decades, especially in the shape of what has been called the linguistic turn. This has led to the loss of metanarrative. Before, the picture was clear

enough. As the foundation of the Soviet Union, the Russian Revolutions were celebrated at home while denigrated from outside. Meanwhile, however, what might be called traditional scholarship based on archival sources was not completely neglected. Today, the great task is to restore metanarrative, a basic necessity for the study of history.

5. In 1973, foreshadowing the formation of The Study Group on the Russian Revolution, its founders suggested concern with “political radicalism and related change during the nineteenth and twentieth centuries, and with the populist, anarchist, social-democratic and communist movements in particular.” Other subjects would be considered, but the emphasis would be on revolution in Russia, not with the whole of Russian history. As suggested in point 4 above, much of the focus has changed since then.

6. In 1988, the journal *Revolutionary Russia* was first published. In 2006, an international group of scholars initiated a project entitled *Russia's Great War and Revolution, 1914–1922*, which will lead to the publication of twenty or more volumes setting out further current interpretations of the momentous events. In contrast with the founders of the Study Group in 1973, the project's editors observe in 2014 that the “workers’ movement” will be far less prominent than would have been the case for much of the late twentieth century. My own view remains that, while the significance of the Russian Revolutions may have diminished in recent years, they deserve as much attention as the French and American in the eighteenth century and the British in the seventeenth century. Their impact on the wider world, on China to give an important example, merits continued examination. I am keeping a close watch on recent publications and conferences taking place in 2017 with an eye to producing a second edition of *October and the World*.

Контактная информация:
Адрес: History Department, University of Aberdeen, AB24, 3FX, United Kingdom;
e-mail: p.dukes@abdn.ac.uk

ИППОЛИТОВ Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН (г. Самара, Россия)

РОССИЯ. ГОД 1917-й. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗЛОМ

1. Изучение революционной эпохи 1917 года в России начал с 1990 года в контексте исследования исторической персоналии Антона Ивановича Деникина. Первая статья появилась в 1992 году.

2. Современники революционных катаклизмов – крупные политические деятели царского политического режима, такие как сенатор Н.Н. Таганцев и экс-премьер царского правительства В.Н. Коковцов, – в своих воспоминаниях заявляли: «Революция висела в воздухе»³. Видимо, историкам XXI века еще не раз придется задавать вопрос: были ли у этих деятелей весомые основания для столь категоричных аксиологических суждений? При всем плюрализме мнений по рассматриваемой проблеме, имеющих в современной отечественной историографии, у меня не вызывает сомнений следующий тезис: Революция 1917 года в России – закономерность. Отечество наше выстрадало ее всем ходом исторического развития. Пусть ученые не до конца разобрались в причинах данного феномена, пусть здесь сталкиваются порою диаметрально противоположные точки зрения (так называемая либеральная школа и марксисты-ленинцы ортодоксального толка), тем не менее отрицать закономерный характер революции 1917 года – не что иное, как насиловать историческую истину.

Выглядит аксиоматичным, что отмена крепостного права в 1861 году дала мощный импульс развитию капитализма на просторах Россий-

ской империи. Причем ростки его появились значительно раньше. Либеральные реформы Александра II способствовали эволюционному обновлению общества. Резко усилилось, однако, и революционное движение, в котором террор народников уступал место быстро распространявшемуся марксизму. Подобное положение дел стало причиной того, что Александр III начал контрреформы, развернув наступление реакции по всему фронту и не добившись особых успехов. Страна вступила в полосу эпохальных экономических, социально-политических и духовных перемен, венцом которых стали российские революции 1905–1907 годов и 1917 года.

Революция, какой бы трагической она ни была, выступает всегда средством саморегуляции общества. Трудно (в контексте вышеизложенного) не согласиться с Н.А. Бердяевым, писавшим, что революция «в значительной степени есть расплата за грехи прошлого»⁴. Судить о революциях – хорошие они или плохие – пустая трата времени либо упражнения в софизме, морализаторстве вне исторического пространства и исторического времени. Правильнее изучать их. Как и любой исторический феномен, революции должны подвергаться всестороннему исследованию. Однако в историографии революции 1917 года при наличии различных подходов, порою диаметрально противоположных суждений пока что вопросов остается больше, нежели ответов.

---

³ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. 5851. Оп. 1. Д. 494. Л. 42; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991. С. 465.

⁴*Бердяев Н.* Царство духа и царство кесаря. Париж, 1951. С. 51.

3. Своим концептуальным построениям о феномене Великой российской революции 1917 года, ставшей цивилизационным разломом, положившим начало смене цивилизационной парадигмы, материализовавшейся в создании советского государства, аналогов которому не имелось в истории мировых цивилизаций, прошедшего одновременно героический и трагический исторический путь, остаюсь верен (конечно, без догматизма, и уж тем более – фанатизма). Моя позиция – жесткая государственно-патриотическая (не путать с таким «извращением», как зоологический национализм). Но каждый раз, когда я обращаюсь к одной из своих самых любимых тем, то открываю в ней какие-то новые грани. Причем часто они открываются при переосмыслении ранее написанного. Невольно понимаешь, что, видимо, приблизился к истине такой видный авторитет зарубежной исторической науки, как Э. Карр. Он справедливо утверждал следующее: если философ прав, что мы никогда не сможем дважды войти в одну и ту же реку, то «видимо, верно, и то, что две книги не могут быть написаны абсолютно одним и тем же историком»⁵.

Естественно, появляются какие-то коррективы во взгляде на революционные потрясения 1917 года. Это в значительной степени обусловлено тем, что приходится знакомиться с большим массивом новых исторических и историографических источников, особенно монографических и докторских диссертационных исследований, а также новых опубликованных документов. В частности, я стал менее категорично оценивать итоги военной политики А.Ф. Керенского. Пришло понимание того, что не всегда все его потуги по реформированию Русской армии в 1917 году (читай: по стимулированию разложения войск) были необратимы. Много в деле несостоявшейся их локализации зависело от субъективного фактора – нерешительности высшего генералитета (в первую очередь от М.В. Алексева и А.А. Брусилова).

4. Азбучная истина: комплексное применение методологических подходов, принципов и методов – залог успешности любого исследования. Однако всегда имеются приоритеты. В нашем случае для меня актуально гармоничное сочетание формационного и цивилизационного подходов к глубинному познанию сущности и содержания исторического феномена российской революции 1917 года. Два этих подхода нельзя противопоставлять, что было столь модным в 1990-е годы (особенно в первой их половине, когда цех служителей музыки Клио напоминал оркестрантов, вышедших на сцену, но забывших ноты: от марксизма огульно отказались, а в новомодных парадигмах, почерпнутых с Запада, запутались). Но при использовании формационного и цивилизационного подходов, при гармоничном их сочетании все равно должны быть свои приоритеты. Формационный подход, например, предпочтительнее при определении роли и места властных структур в попытках обуздания революционной стихии, что бушевала в стране в 1917 году. В то же время при анализе исторических событий и фактов, имевших место в революционном 1917 году, следует обеспечивать их целостное восприятие. Причем в центр ставится человек как конкретный первичный субъект-носитель революционных потрясений. Это и является практическим проявлением требований цивилизационного подхода к познанию истории: изучение прошлого в человеческих измерениях.

Что касается исследования исторических персоналий 1917 года, то необходимо выйти из формата просто биографии, использовать проблемно-хронологический подход к познанию истории. Его проблемная составляющая наиболее оптимальна, т. к. способствует разделению единой ткани исследования на ряд важных проблем. Вместе с тем следует учитывать, что без реконструкции событий в их временной последовательности нельзя понять глубину содержания жизни и деятельности исторической личности.

---

⁵Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1–2. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990. С. 11.

Хронологический подход позволяет выстроить хронологический ряд жизни и деятельности, обоснованный как логически, так и исторически. Но чисто событийная история может повернуть исследование в описание биографии знаменитого исторического деятеля. Исследование же исторической персоналии серьезно отличается от биографических работ. В первую очередь общим подходом к раскрытию исторической личности. В классической биографии соблюдается строгая, хронологическая последовательность событий в соответствии с занимаемыми постами или периодами деятельности исторической персоналии. Подобное подразумевает большую описательность событий и явлений, что значительно усложняет ясный, теоретический анализ, который, по меткому выражению Ф. Энгельса, может указать «правильный путь в лабиринте фактов»⁶.

5. Мне представляется, что нужно отказаться от понятий «Февральская революция» и «Октябрьская революция». Имела место Великая российская революция 1917 года, перетекшая в фазу Гражданской войны. А Февраль (вернее февраль-март, если исходить из нового стиля летоисчисления) и Октябрь (вернее октябрь-ноябрь, если исходить из нового стиля летоисчисления) – важнейшие рубежи (этапы), но в рамках единого революционного процесса. Причем эти рубежи качественно отличаются по сути и содержанию. И весьма проблематично, когда раздаются голоса, что Октябрь – это просто углубление революционного процесса. На мой взгляд, Октябрь – это развитие революции по большевистской альтернативе, радикально отличающейся от собственно революционно-демократической (Февраль).

Здесь предстоит разобраться в диалектике объективного и субъективного факторов, роли революционных вождей (А.Ф. Керенский и В.И. Ленин как персонализированные на-

чала собственно революционно-демократической и большевистской альтернатив развития революционного процесса). При этом необходимо подчеркнуть, что даже сам В.И. Ленин сразу не определял Октябрь в качестве социалистической революции. Так что между Февралем и Октябрем – глубинная диалектика. По-может ее раскрыть в т. ч. и четкое знание того, что происходило между Февралем и Октябрем.

6. Это была поистине Великая революция. Она бросила наше Отечество в цивилизационный разлом, но линия цивилизационного разлома прошла (с той или иной степенью глубины), не будет преувеличением сказать, по всему миру. История мировых цивилизаций в XX веке развивалась под влиянием исторического феномена нашей Великой революции, поэтому она – знаковое событие. Во многом таковым она остается и в начале XXI века.

Главный урок 1917 года: революции не делаются по заказу – они объективны. Народ имеет право на революцию. Но здесь играет большую роль субъективный фактор. Власть имущие не должны доводить народ до такого состояния, когда он «берется за вилы». Только продуманная политика взвешенных и своевременных реформ может вовремя снимать социальное напряжение в стране. При этом необходимо помнить об одной уникальной черте ментальности россиян – абсолютная нетерпимость к социальной несправедливости. И еще один урок: следует исключить некомпетентное вмешательство в функционирование армии. Полагаю, что военные министры типа А.И. Гучкова, А.Ф. Керенского, А.Э. Сердюкова – детонаторы разложения армии. Первые из вышеназванных успешно разлагали армию в революционном 1917 году. А.Э. Сердюков, слава богу, не успел. Хотя этот «эффективный менеджер» урон армии нанес огромный.

Контактная информация:

Адрес: 443001, г. Самара, Студенческий пер., д. 3, корп. 1;

e-mail: gippolitov@rambler.ru

---

⁶Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 243.

НИЛЬСЕН Йенс Петтер, профессор Арктического университета Норвегии (Тромсё), почетный доктор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Тромсё, Норвегия)

THE RUSSIAN REVOLUTION SEEN FROM THE PERSPECTIVE OF A NORWEGIAN HISTORIAN

1. My first paper on this topic was a large article about the October Revolution in Pax-leksikon (Oslo), a concept-based leftist encyclopaedia, which was published in Norway in 1978–1981 by the Pax Publishing House⁷. Since then I have published frequently on the Russian Revolution, mostly in Norwegian. The Russian Revolution was never my most important topic, however.

2. I do not. In my opinion, historians too often declare courses of events to be inevitable, in particular when it comes to events which had wide-ranging and grave consequences, like the Russian Revolution. It has to do with the fact that historians' principal concern always is to explain what happened in the best possible way. The more convincingly they do so, the more inevitable the outcome seems. Historians too seldom investigate alternative courses of an event, which could have also been possible to explain in a plausible way. Tocqueville aptly remarks about the French Revolution that "the most dangerous moment for a bad government is usually when it begins to reform itself." This also applies to the Russian Revolution. Much of the tensions in the Russian society in the beginning of the 20th century resulted from the efforts of the tsarist government to carry through an economic modernization from above, without an equivalent political modernization. All the same, the revolution would hardly have succeeded if Russia had not been dragged into the Great War. Among western historians the view that the Russian Revolution grew out of the war has always predominated. Military defeat, war weariness and

material deprivations were important causes of the fall of tsardom. At the same time, comparative research on revolutions indicates that great revolutionary upheavals succeed only when the old regime had been seriously weakened beforehand, because of external strains⁸. Therefore, it is difficult to imagine that the Russian Revolution would have happened if it had not been preceded by three years of war. The continuation of the war after the February Revolution also explains much of the Bolsheviks' success in the late summer and autumn of 1917. But even without the war it is difficult to see that Russia in the long run could have avoided a violent overthrow of tsardom, due to Nicholas II's stubborn refusal to share power with an assembly elected by the Russian people even when he was pushed to the outmost, like in 1915 and 1916. His ever more isolated position, even within the imperial family, led to his sudden abdication in March 1917.

3. I have become increasingly negative to the October Revolution. In my first article (see point 1) I had a tentative, rather open-minded attitude towards the October Revolution, but shared the widespread view among revisionist historians that the revolution degenerated under Stalin. In an article published in 1985 I came to the conclusion that the October Revolution was a "socialist revolution". Today, 100 years after the revolution, as is also the case with most historians both in Russia and in the West, my ability to sympathize with the aspirations of the October Revolution has diminished. I perceive the dissolution of the

---

⁷Pax-Leksikon. 1978–1981. Oslo: Pax Forlag. Vol. 1–6.

⁸Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge, 1979.

Soviet Union in 1991 as a more or less definitive proof that the Bolsheviks' efforts to create an alternative modernity did not, and could not, succeed. The belief in revolution in general has diminished⁹. Our days' colour revolutions in the post-Soviet space, as well as the so-called "Arab Spring", have not given particularly positive results. It is characteristic that western historians today put more emphasis on the outcome of the Russian Revolution than on its prerequisites. To some degree this is due to the "archive revolution" in Russia, which started at the end of the 1980s. Attention was drawn towards Stalin and away from Lenin, since the most sensational new sources concerned the Stalin period. At the same time, we have become less willing to accept the revisionists' basic divide between Lenin and Stalin. Today it is easier to see that Lenin laid the groundwork for Stalin and Stalinism's degeneration towards dictatorship and terror. And this makes it easier to accept the 1930s as an integral part of the Russian Revolution, and sometimes I feel tempted to follow Sheila Fitzpatrick in using the Russian Revolution as a denomination of the whole period of 1917–1939¹⁰. While the upheavals that took place under Lenin basically affected the society's superstructure (to use a Marxist term), under Stalin the Soviet government tried to realize the main aspirations of the October Revolution of creating nothing less than a new social and economic basis of society.

4. I believe that the modernization paradigm is a suitable analytical framework for studying the Russian Revolution, which can be applied on both the pre-revolutionary and the Soviet epochs. The political and social unrest throughout this period was a result of the efforts to catch up with (later also excel) the large western countries, which were more advanced in their industrial development, or, if you like, in their traverse through the Marxist unilinear schema of socioeconomic development. The revolutionary upheavals in the beginning

of the 20th century did happen, not because Russia after the great reforms of the 1860s had entered into a condition of permanent crisis, but because the society (due to the circumstances of war and the power struggle between competing elites) was unable to cope with the transition from the traditional to the modern society. The modernization led to increasing social and ethnical tensions and political unrest. The contradictions between tradition and modernity presented a systemic crisis, according to Boris Mironov, but this does not mean that the crisis inexorably lead to revolution. It created only the conditions for a revolution, only the possibility, which became a reality because of military defeat, difficulties during the war and a relentless struggle for power between oppositional public and autocracy¹¹.

5. We are used to considering February and October Revolutions as two distinct phases of the Russian Revolution. This also fits in with the Marxist tradition of dividing it into a bourgeois-democratic and a socialist stage. I have nothing against the designation "The Great Russian Revolution", which has the advantage that it includes the Civil War. I understand that the change of name has to do with the fact that many Russian historians wanted to get rid of the term "The Great October Socialist Revolution", which they no longer found adequate. With the change of name an ambiguity has occurred, which is rather convenient, since it allows for different assessments of the revolution. The word 'great' (*velikaya*) is, of course, a positive epithet, and will probably still satisfy historians with a positive evaluation of the revolution. Those who are more sceptical can also use this denomination, admitting no more than that this revolution was epoch-making and had great significance and impact on the world.

6. "The Great Russian Revolution" created the "Second World" and gave the Soviet Union a leading role in this. The contradictions between the First and the Second Worlds were to feature

---

⁹Smith S.A. The Historiography of the Russian Revolution 100 Years On // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16, № 4. P. 733–749.

¹⁰Fitzpatrick S. *The Russian Revolution*. 3rd edition. Oxford; N. Y., 2008.

¹¹Миронов Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2014. С. 313–323.

the world through the greater parts of the 20th century. Soviet industrialization became a model for several countries in the Third World, and Soviet planned economy had a lasting impact on the political economy in western countries, among them Norway. The active role of the state in the economic development was all the same not an entirely new phenomenon, since this had been the case also in several belligerent countries during the First World War, especially in Germany.

The negative development of the revolution in the Soviet Union in the 1930s in the direction of dictatorship and terror against the country's own population made the impact of the Russian Revolution in the West more ambiguous, even counterproductive. In a country like Norway, the government and bourgeois society took the danger of a revolution seriously, and took all necessary precautions in order to avoid it. The Norwegian bourgeois regime was not in a crisis. Norway did not participate in the Great War and was not exposed to such strains as Tsarist Russia. The Norwegian government stood firm and met the revolutionary Norwegian Workers' Party with a mixture of negative and positive sanctions. The government did not shrink from using physical

force, both police and the military were used in order to control strikes and fight civil disobedience. At the same time, however, they tried to oblige socialists in important fields. In 1918–1919, the eight-hour day was given legal backing by the Storting, and equally important was the election reform of 1919 which brought the number of parliamentary seats won by the Norwegian Workers' Party more in line with the number of votes cast for it. This strengthened the belief among the supporters of the Norwegian Workers' Party that it was indeed possible to obtain political power within the existing political system, that a socialist government was possible without revolution.

So, on many western countries the October Revolution and Bolshevism impacted in a paradoxical way: instead of spreading the revolution, it tended to strengthen liberal democracy, even if this was not the Bolsheviks' intention. The Great Russian Revolution has taught us that even if it is possible to impact on a society's economic and social development, it is impossible to see through history and to foresee its course. It is even dangerous to believe that you possess such a superior knowledge and insight into society which empowers you to build a perfect society.

Контактная информация:

Адрес: Mellomvn. 85C, NO-9007, Norway;

e-mail: jens.petter.nielsen@uit.no

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, главный редактор журнала для ученых «Клио» (Санкт-Петербург, Россия)

1917 ГОД – ГОД НЕОСМЫСЛЕННЫХ СОБЫТИЙ

1. Изучением истории событий 1917 года занимаюсь с 1977 года – с момента начала своей работы над кандидатской диссертацией на историческом факультете Ленинградского государственного университета. И хотя моя дис-

сертация была посвящена одному из сюжетов Гражданской войны в России, без истории событий 1917 года обойтись было невозможно. Первая научная публикация появилась в 1980 году и была посвящена роли В.И. Ленина в создании

первого интернационального военного формирования в Советской России.

2. Революционный процесс и серия революционных взрывов 1917 года в России – события закономерные и неотвратимые. Любые процессы, происходящие в обществе, обладают определенным «запасом прочности». Такого «запаса» Российской империи хватило в 1905–1907 годах, несмотря на огромную напряженность в обществе, усугубленную событиями Русско-японской войны. Тогда государственная машина сумела выстоять и погасить очаги напряженности. И сделано это было не только с помощью карательных мер, но и благодаря ряду социальных компромиссов, включая всем известный манифест государя от 17 октября 1905 года.

С самого начала 1917 года у Российской империи такого «запаса прочности» уже не было. Это связано со многими причинами, среди них – несоизмеримые с масштабами Русско-японской войны масштабы Первой мировой. Политические партии России за десятилетие, прошедшее после поражения Первой русской революции, приобрели огромный опыт политической борьбы как с имперской властью, так и друг с другом. За время Первой мировой войны на фоне резкого обнищания основной части населения страны небольшая группа промышленников, банкиров и предпринимателей стала еще богаче и влиятельней: удовлетворение жажды доходов породило жажду власти. Это новое устремление успешно обслуживали окрепшие политические партии либерального толка. Они конкурировали как с консервативными, так и с революционными силами и в феврале 1917 года сумели захватить политическую власть в стране. Не справившись с управлением государством в условиях войны, эти партии проиграли политическую борьбу союзу революционных партий.

3. За годы изучения истории революционной эпохи в России мои взгляды на нее не могли не измениться. Если в конце 1970-х годов, когда я только начинал исследование событий 1917 года, у меня были представления о революции, как у любого среднестатистического советского человека с высшим образованием,

то со временем многое изменилось. Поработав более чем в 60 архивах бывшего Советского Союза, а позже и в зарубежных архивах, я убедился в том, что происходившие в нашей стране процессы в действительности были не столь романтичны, как это представлялось в юности. Революция и последовавшая за ней Гражданская война были чрезвычайно жестоки на обыденном уровне, принесли населению страны неисчислимые беды. Я осознал, что революция, как выпущенный джин из бутылки, обладает колоссальной разрушительной силой. В то же время подтвердились во многом и прежние представления о революции: миллионам тружеников она открыла перспективы, о которых прежде они не могли и мечтать. Одним словом, революция – явление многоплановое и противоречивое, как и сама жизнь.

4. Как известно, до 1991 года история 1917 года была самым приоритетным направлением развития историографии в СССР. Частично с этим направлением могло соперничать лишь изучение истории Великой Отечественной войны. Увы, традиция была такова, что события 1917 года исследовались, особенно до марта 1985 года, исключительно в позитивном ключе, что мешало объективному изучению истории событий того времени. После распада СССР многие историки в своих исследованиях поменяли знак «плюс» на «минус», что не прибавило изучению проблемы объективности. Сейчас ситуация изменилась к лучшему – тяга исследователей к объективности очевидна. Однако считаю главной ошибкой теоретико-методологического характера стремление изучать историю событий 1917 года сквозь призму истории повседневности или истории персоналий. Оба направления исследования вполне жизнеспособны, но нельзя ими злоупотреблять. Крупной ошибкой современных ученых считаю попытку осмысления событий столетней давности с позиций людей, живущих в XXI веке. Это недопустимо. Необходимо оценивать все, что происходило в 1917 году, в контексте ценностей того времени и реального состояния общества. Печалит и то, что современные историки почти не пытаются

разобраться в теории. В частности, октябрьские события 1917 года ни российские, ни зарубежные коллеги не рассматривают сквозь призму ленинской концепции мировой социалистической революции. А это означает, что современники не могут понять мотивации деятельности В.И. Ленина и его единомышленников.

5. Что касается оценки исторических рубежей Февраля и Октября 1917 года в России, то в этом отношении мои взгляды не претерпели никаких изменений. В отличие от многих коллег я не рассматриваю события Февраля и Октября как некий единый процесс, как одну революцию. Общее у Февраля и Октября лишь то, что их творцы боролись с самодержавием. Но у художников Февраля, как и художников Октября, были свои эскизы будущего. Разница в том, что после

Февраля остались лишь наброски возможной перспективы, а те, кто воплощал идеи Октября в жизнь, сумели изобразить более впечатляющие картины. Другое дело, что их полотна не имели ничего общего с теми замечательными фресками, которые когда-то зарождались в сознании Маркса, Энгельса и Ленина.

6. Нет сомнения в том, что события 1917 года перевернули всю общественную жизнь не только в России, но и мире. Соглашусь со старой советской истиной, что Октябрь 1917 года – главное событие XX века. Думаю, и в нынешнем веке отголоски столетней давности слышны весьма отчетливо. Главный урок революций 1917 года очень прост: к человеку нужно относиться по-человечески; в противном случае он перестанет быть человеком и начнет совершать зверства.

Контактная информация:

Адрес: 193232, Санкт-Петербург, просп. Большевиков, д. 22, корп. 1

***ФЕДЮК Владимир Павлович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, декан исторического факультета Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова (г. Ярославль, Россия)*

РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА ВЧЕРА

1. Изучение событий 1917 года в России я начал с 1978 года в ходе подготовки дипломной работы и кандидатской диссертации. Первая статья на эту тему появилась в 1980 году в одном из знаменитых «коминских» сборников. В калининских семинарах, организованных В.В. Коминым, я участвовал до их завершения.

2. В контексте предшествующих ей событий революция была действительно неизбежной. Как минимум с начала Первой мировой войны власти России все более очевидно теряли

контроль над происходящим. Другое дело, что общая неустойчивость, характеризующая любую революционную эпоху, постоянно создает условные «точки бифуркации», с возможностью различного развития ситуации.

3. Поскольку революция (в широких временных границах) служит предметом моих научных штудий почти 40 лет, постольку и воспринимается она в какой-то мере по-другому. Трудно ожидать одинакового видения от 20-летнего аспиранта, живущего в эпоху «застоя»,

и, скажем, не самого юного доктора наук, окруженного реалиями XXI века. Но перемены в моем восприятии революции в меньшей мере обусловлены изменениями в политическом контексте. И в прежние времена я никогда особо о классовой борьбе не писал, а выражения «крах», «разгром» применительно к антибольшевистским силам были частью обязательного ритуала и мало отражали существо исследований. Я стал по-другому воспринимать революцию, ознакомившись с источниками, отражающими то время. В результате за борьбой политических сил мне, как я надеюсь, удалось увидеть людей, обыкновенных обывателей, не по своей воле вовлеченных в революционный вихрь. Отсюда – акцент на изучении общественных настроений, повседневной жизни, личности на фоне эпохи.

4. Стыдно признаться, я никогда не был силен в методологии, хотя прочитал на эту тему немало, да кое-что и сам написал. Меня всегда смущало, что в методологических спорах на второй план уходит сама история. Для меня методология – всегда инструмент, но ни в коей мере не символ веры. Если говорить в целом, то все революции подчиняются схожим законам, и в этом смысле мы всегда должны помнить и Карлейля, и Ортега-и-Гассета. Если иметь в виду именно Русскую революцию, то в помощь нам все наследие великих предшественников – как минимум от Соловьева до евразийцев и Гумилева. Это принципиально. По моему мнению, Русская революция органично вписывается в те тенденции, которые обозначились предыдущим развитием страны. Это, конечно, не ново. «В комиссарах – дурь самодержавья, взрывы революции – в царях».

Призывал и буду призывать рассматривать революцию, да и весь советский период нашего прошлого как часть непрерывного процесса, начало которому было положено гораздо раньше.

5. Никогда, во всяком случае для себя, не разделял Февральскую и Октябрьскую революции. Понимание, что мы имеем дело с Великой русской революцией, пришло ко мне еще в студенческие годы и, надо сказать, сильно тогда поразило. Что до временных границ революции, то они однозначно охватывают период Гражданской войны. Более точно отправную и завершающую точки сейчас назвать не рискну. Замечу лишь, что споры о периодизации, как правило, характеризуются крайней ожесточенностью и минимальной продуктивностью.

6. Я совсем не коллекционер, но среди случайных вещей, накопившихся у меня дома за долгое время, есть неиспользованный отрывной календарь за 1917 год. По ветхости первые листки его куда-то сгнули, и начинается он с 18 января. Я иногда беру его в руки, и на что уж зачерствела душа, а все равно в ней что-то дрогнет. Чуть больше месяца – и в России все станет другим!

В русской истории были как минимум не менее значимые рубежи, но для новейшего времени революция – это событие беспрецедентного масштаба. Мы и сейчас, хотим этого или нет, живем в мире, созданном Русской революцией. Именно в мире, потому что последствия событий в России нашли отзвук далеко за ее границами. Даже те, кто пытается проклинать революцию и забыть о ней, своим поведением доказывают, что она была вчера.

Контактная информация:

Адрес: 150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10;

e-mail: fediuk@mail.ru

К ИТОГАМ, ПЕРСПЕКТИВАМ И УРОКАМ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Опубликованные материалы круглого стола высветили разнообразие исследовательских подходов, суждений и оценок его участников в отношении истоков и характера революционных процессов 1917 года в России, их значения и исторических уроков для страны и мира. Но общим является признание того, что Российская революция оказала глубокое воздействие на жизнь не только нашей страны, но и всего человечества в XX веке.

Этот год станет временем новых дискуссий и, хочется надеяться, продвижения вперед в познании российской революционной эпохи 1917 года и извлечения из нее уроков для современности. На это ориентирует и распоряжение президента России В.В. Путина от 19 декабря 2016 года о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России, в которых рекомендуется принять участие не только заинтересованным научным и образовательным организациям, но и органам государственной власти и местного самоуправления, общественным объединениям¹².

В год столетия российских революций будут проведены десятки научных конференций как в России, так и в других странах и, вероятно, выйдут в свет сотни новых книг. В сентябре 2017 года в Москве пройдет очередная Генеральная ассамблея Международного комитета исторических наук, которую планируется совместить с конференцией, посвященной столетию Российской революции¹³.

В начале июля этого года в городах Архангельске и Онеге пройдет международная научная конференция «1917 год в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века», организуемая САФУ при поддержке РФФИ и правительства Архангельской области, с публикацией сборника ее материалов. Планируется и издание очередного выпуска Альманаха Ассоциации исследователей Гражданской войны в России, темой которого станет выявление взаимосвязи между Российской революцией 1917 года и Гражданской войной в стране. Все это призвано способствовать более глубокому пониманию этой сложнейшей эпохи российской и мировой истории.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.146

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Paul Dukes

University of Aberdeen;
AB24, 3FX, United Kingdom;
e-mail: p.dukes@abdn.ac.uk

---

¹²Распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/53503> (дата обращения: 05.01.2017).

¹³Чубарьян А. Нет у революции конца? // Аргументы и факты. 2016. № 51; Смирницкая И. Генеральная ассамблея Международного комитета исторических наук пройдет в Москве. URL: <http://www.russkiymir.ru/news/154797/> (дата обращения: 06.01.2017).

Georgiy M. Ippolitov

Volga Region Branch, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
Studencheskiy per 3, korp. 1, Samara, 443001, Russian Federation;
e-mail: gippolitov@rambler.ru

Jens P. Nielsen

UiT The Arctic University of Norway;
Mellomvn. 85C, NO-9007, Norway;
e-mail: jens.petter.nielsen@uit.no

Sergey N. Poltorak

The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications;
prosp. Bol'shevikov 22, korp. 1, St. Petersburg, 193232, Russian Federation

Vladimir P. Fedyuk

P.G. Demidov Yaroslavl State University;
ul. Sovetskaya 10, Yaroslavl, 150000, Russian Federation;
e-mail: fediuk@mail.ru

THINKING ABOUT THE YEAR OF 1917: A ROUND TABLE DEVOTED TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS

During the Round Table the participants discussed the role and significance of the Russian Revolutions both in Russian and world history, their reasons, epoch-making landmarks and contemporary evaluations, as well as the relevant research methodology. In addition, the participants identified the reasons why the approaches to and viewpoints on the revolutionary process in Russia had changed and evaluated the lessons of history and the importance of the Russian Revolutions for today's Russia and the world.

Keywords: *revolution, revolutionary process, Great Russian Revolution of 1917, February Revolution of 1917, October Revolution of 1917.*

Поступила: 10.01.2017
Received: 10 January 2017

For citation: Thinking About the Year of 1917: A Round Table Devoted to the 100th Anniversary of the Russian Revolutions. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 2, pp. 146–161. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.146